ӘДЕБИЕТТАНУ
LITERARY STUDIES

https://doi.org/10.53360/3080-3861-2026-3(7)-11
МРНТИ: 17.07.29

С.П. Алексеева[1], Д.Н. Дюсекенев[2*]
[1]Горно-Алтайский государственный университет,
649000, Российская Федерация, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1
[2]Alikhan Bokeikhan University,
071410, Республика Казахстан, г.Семей, ул. Мәңгілік Ел, 11
[*]ORCID: 0009-0000-4821-3636
[*]e-mail: dyusekenev81@mail.ru

КОРЕННЫЕ ЭТНОСЫ ЗАУРАЛЬСКОЙ И СТЕПНОЙ ПЕРИФЕРИИ В ТРАВЕЛОГЕ С. СОММЬЕ «UN'ESTATE IN SIBERIA» (1885)

Аннотация. На материале оригинального флорентийского издания травелога Стефано Соммье «Un'estate in Siberia...» (1885) в статье исследуется итальянская рецепция коренного населения сибирской, уральской и степной периферии Российской империи. Эмпирическую основу исследования составляет систематизация 85 контактных сцен, позволяющая реконструировать дифференцированную структуру восприятия Соммье различных этнических групп региона: хантов, ненцев, коми-зырян, татар, казахов и башкир. Показано, что этнографические образы в травелоге формировались под воздействием прагматических условий полевого исследования, характера научных задач и степени вовлечения имперской администрации в процесс сбора данных. Имагологический анализ выявляет градацию культурного отчуждения в авторской оптике: от инструментального отношения к хантам при антропометрических измерениях и санитарно-визуального дистанцирования от ненцев до фискальной скрытности казахов и признания устойчивости культурной системы казанских татар. Особое внимание уделяется роли чиновников, казачества и представителей местной элиты в обеспечении исследовательской деятельности путешественника. Сделан вывод, что конструируемые Соммье образы «Другого» являлись ситуативным продуктом конкретных сцен контакта и институционального контекста поездки, а не результатом механического воспроизведения стереотипных расовых классификаций.

Ключевые слова: Стефано Соммье, травелог, имагология, колониализм, имперская инфраструктура, позитивизм, умбертинская Италия.

Введение

Западноевропейская путевая проза XIX века разворачивает перед исследователем детальную карту того, как интеллектуальные элиты Европы конструировали ментальные границы и этнографические образы Российской империи [1, 17]. В современной имагологии этот процесс традиционно анализируется на материале британских, французских или немецких нарративов. Фокусируясь на них, исследователи раз за разом выявляют элементы «цивилизаторского» дискурса великих держав, транслирующих собственную культурную гегемонию на евразийское пространство [2, 15; 3, 19]. Однако в тени этой макрооптики остается специфика восприятия российских окраин путешественниками из тех стран, которые сами в этот период переживали сложный этап национального строительства и самоопределения. Внешний взгляд этих авторов на имперскую периферию неизбежно накладывался на внутренний контекст сибирской саморефлексии, ярче всего зафиксированный в формуле Н.М. Ядринцева «Сибирь есть колония» [4].

Италия последней трети XIX века – вступившая после 1878 года в «умбертинскую эпоху» [5, 35] – представляла собой молодое государство, стремившееся легитимизировать свой статус в глобальном научном и политическом пространстве. К сибирской поездке 1880 г. у нее еще не было заморской колонии (коммерческий Ассаб компании Рубаттино – 1869 г., государственная аннексия – 1882; оккупация Массауа – февраль 1885 г., год выхода книги, а не год маршрута). Для итальянских интеллектуалов описание чужих колониальных и имперских

периферий являлось не столько общеевропейской традицией интереса к экзотике, сколько способом доказать зрелость и конвертируемость собственной национальной науки. В этом контексте фундаментальный труд флорентийского ботаника и антрополога Стефано Соммье «Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirghísi e Baskíri» («Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир»), изданный во Флоренции в 1885 году [6], представляет собой репрезентативный и многоуровневый материал для имагологического анализа.

Карло Пьетро Стефано Соммье родился 20 мая 1848 года во Флоренции в семье выходцев из Парижа [7, 5]. В двадцать один год он принял итальянское гражданство, зафиксировав в имени память о крестном отце Стивене Ломбе. Слабое зрение не позволило ему пройти регулярный университетский курс, однако интеллектуальный флорентийский круг – А. И. Герцен, Ф. Парлаторе, П. Мантегацца, Э. Гиглиоли, Э. Левье, О. Беккари – сформировал его интерес к естественной истории и антропологии [7, 5]. Полевую школу Соммье прошел летом 1878 года, когда совместно с Паоло Мантегаццо преодолел Лапландию до Карасьйока. Их антропологические материалы легли в основу совместной монографии «Studii antropologici sui Lapponi» (1880), а Мантегацца отдельно издал травелог «Un viaggio in Lapponia coll'amico Stephen Sommier» (1881). Посвящение к этой книге датировано Флоренцией 2 июня 1880 года – кануном сибирского отъезда Соммье.

Сибирская экспедиция 1880 года развивала исследовательские методы этой школы. Сам автор фиксирует выезд из Москвы вечером 21 июня 1880 года по новому стилю, тогда как некролог работы Р. Пампанини относит отправление к июлю, подразумевая уже зауральскую часть маршрута [7, 8]. Свой главный труд «Un'estate in Siberia...» Соммье посвятил Мантегаццо, который, по замечанию Пампанини, «ввел его в этнологические занятия и побудил посетить других северных народов» [7, 8]. За эту книгу в 1887 году исследователь получил золотую медаль Урало-Сибирской научной выставки. Несмотря на признание, для Пампанини этнология в наследии Соммье, скончавшегося 3 января 1922 года, оставалась лишь «простым упоминанием» (semplice accenno). Подобная недооценка открывает перспективу для целостного имагологического прочтения травелога.

Книга 1885 года давно введена в научный оборот. Первые обзоры путешествия Соммье принадлежат еще П. Головачеву [10, 169-195], а в 2012 году в Томске вышел ее полный русский перевод [11]. На этом фоне сформировалась устойчивая исследовательская традиция: А. А. и Е. В. Переваловы дали сводный очерк сибирско-уральских маршрутов антрополога [12, 154-165], отдельные этнические сюжеты привлекали внимание А. А. Соловьева [13, 31-36], Д. Гено (в контексте изучения коми-зырян) [14, 205] и Е. В. Переваловой, исследовавшей репрезентацию туземной элиты Березовского края [15, 162–172]. Параллельно Д. Вичиани с коллегами реконструировали точную карту ботанического маршрута ученого [16], а С. Андрес детально описал умбертинский контекст итальянских знаний о Сибири [5, 35-58]. Историографическая лакуна, однако, очевидна. До сих пор травелог Соммье воспринимался изолированно – как эмпирический источник, этнографический каталог или естественнонаучная коллекция. Текст практически не рассматривался как целостный имагологический нарратив, фиксирующий процесс складывания этнических образов внутри инфраструктуры Российской империи.

Рабочая гипотеза исследования строится на предположении, что динамика путевого текста Соммье определяется внутренним противоречием между декларируемой автономией европейского ученого и его зависимостью от административных ресурсов Российской империи. Эта зависимость напрямую предопределяла итальянскую рецепцию коренного населения окраин, трансформируя сугубо научный взгляд в продукт имперской логистики. Программную цель экспедиции Соммье формулировал как кампанию («campagna») по исследованию бассейна Оби, что требовало институциональной поддержки. Еще в Санкт-Петербурге члены Императорской академии наук и вице-президент ИРГО П. П. Семенов снабдили антрополога открытым листом Общества и рекомендательными письмами («lettere

di raccomandazione»), открывшими ему доступ к прагматическому знанию практиков освоения региона [6, 2]. В Тобольске эта властная цепочка замкнулась: губернаторская канцелярия выдала итальянцу предписательный документ («для всех властей») на право беспрепятственного транзита. В результате этнографические образы хантов, ненцев, зырян, татар и казахов конструировались вне отвлеченных кабинетных расовых таксономий. Они рождались внутри конкретных «сцен контакта», чьи рамки полностью задавались инфраструктурой империи.

Наличие полного русского перевода книги Стефано Соммье, вышедшего в Томске в 2012 году [11], несомненно, выполняет важную рецептивную функцию в современной отечественной историографии. Однако специфика имагологического подхода требует обращения исключительно к оригинальному флорентийскому изданию 1885 года [6]. Перевод как лингвистический инструмент неизбежно осуществляет эффект «трансляционного сглаживания» (translational smoothing), нивелируя риторические асимметрии, маргинальные интонационные сдвиги и специфическую итальянскую лексику автора. Критический анализ оригинального вербального субстрата необходим для фиксации тех прагматических нюансов, с помощью которых европейский наблюдатель конца XIX века картографировал и концептуализировал имперскую периферию, зачастую встраивая национальные понятия в свой языковой контур.

Материалы и методы

Методологический каркас работы основан на принципах имагологического анализа. Фокус исследования смещен с верификации этнографических данных Стефано Соммье на выявление вербальных механизмов конструирования образа «Другого». Эмпирическую основу статьи составляет выборка из 85 контактных сцен, извлеченных из оригинального флорентийского издания 1885 года. Под «контактной сценой» понимается законченный микросюжет непосредственного взаимодействия путешественника с местным населением. В 84 эпизодах объектом описания становятся коренные этносы окраин, тогда как одна стартовая сцена фиксирует исключительно внутриимперский (московский) контекст.

Все отобранные сцены классифицированы по трем параметрам: функциональный домен (быт, религия, наука, власть, путь, торговля), источник знания автора (личное наблюдение, расспросы информантов, компиляция научной литературы) и аксиологический вектор (нейтральный, экзотизирующий, смешанный, негативный).

Статистика выборки отражает логику маршрута Соммье. Наибольший удельный вес занимают сцены взаимодействия с остяками (хантами) – 43 эпизода, что обусловлено программной целью экспедиции по исследованию бассейна Оби и сбору антропологического материала в ее нижнем течении [6, 2]. Вторую по значимости группу формируют казахи, обозначенные в книге имперским термином Kirghisi (11 сцен), и сибирские татары (10 сцен). Ненцы (Samoiedi, 8 сцен), коми-зыряне (6 сцен) и башкиры (5 сцен) также концептуализируются автором содержательно: зыряне маркируют обскую межэтническую иерархию, а башкиры фиксируют прецедент открытого трактового конфликта. Приводимые количественные показатели учитывают развернутые смысловые единицы, вытесняя простой подсчет частоты употребления этнонимов в тексте.

Результаты и обсуждение

Систематизация эмпирического материала позволяет реконструировать структуру восприятия Стефано Соммье и выявить закономерности его исследовательского взгляда. Распределение 85 контактных сцен демонстрирует неравномерность внимания путешественника к различным группам зауральского населения. Почти половина выборки (43 эпизода) посвящена остякам (хантам), что прямо соотносится с программной целью экспедиции по сбору антропологического материала на нижней Оби. Вторую по значимости аналитическую группу формируют казахи (11 сцен) и сибирские татары (10 сцен). Ненцы (8 сцен), коми-зыряне (6 сцен) и башкиры (5 сцен) также обладают самостоятельным аналитическим значением, определяя специфические режимы контакта: зырянский

маркируется долговыми и брачными отношениями, ненецкий – санитарно-визуальной дистанцией, башкирский – трактовыми взаимодействиями.

За этой этнической пропорцией скрывается жесткая прагматическая дифференциация исследовательских доменов. В отношении остяков взгляд Соммье максимально инструментален: текст концентрируется вокруг практик антропометрического измерения и сбора остеологических коллекций. Из шести зафиксированных в травелоге конфликтных сцен пять приходятся на обской макрорегион, где сопротивление информантов преодолевалось за счет административного и силового ресурса империи, тогда как шестая описывает ночной эпизод на башкирском тракте [6, 570].

При движении в степную зону характер нарратива меняется. В казахских сценах Соммье переходит от физической антропологии к фиксации экономических параметров, торговли и бытовых транзакций, вследствие чего открытое противостояние сменяется латентным недоверием («страх подати»). Башкирские сюжеты развиваются обособленно, фиксируя ночное подозрение автора в засаде. При описании ненцев доминирует экзотизирующий и санитарно-гигиенический дискурс, конструирующий образ радикально «Другого». Таким образом, тональность рецепции этносов в травелоге напрямую зависела от характера научной задачи и степени вовлечения имперской инфраструктуры в процесс фиксации данных.

Рецепция имперского пространства формируется уже в первой главе травелога, описывающей маршрут от Москвы до Казани. Наблюдая за повседневными практиками населения, Соммье связывает уличный быт с экономическими механизмами государства. Выезжая из Москвы, путешественник с иронией фиксирует массовое опьянение горожан в Духов день (lunedì di Pentecoste). Эту жанровую уличную картину он переводит в макроэкономический контекст, размышляя о государственной водочной монополии (monopolio cioè del vódka), приносящей казне, по его оценкам, до четырехсот миллионов рублей ежегодного дохода [6].

В этой стартовой сцене автор активно вводит в итальянский текст локальные экзотизмы, транслитерируя их латиницей: drójki (дрожки), vódka (водка), mužík (мужик). Описывая нетрезвых «мужиков», лежащих в уличной грязи «подобно мертвым телам» (come corpi morti)[1], Соммье вводит в повествование полицию (guardie di polizia) как организующую силу [6]. Государственные органы выполняют здесь упорядочивающую, санитарную функцию: прекращают драки и освобождают дороги от людей, потерявших способность передвигаться. До встречи с сибирскими этносами автор задает базовую оптику травелога, репрезентируя народный быт как стихийный хаос, требующий регулирующего вмешательства административной машины.

Путь по Волге на пароходе «Бенардаки» расширяет рамки этого наблюдения на мусульманское население империи. При описании казанских татар позитивистский взгляд Соммье фиксирует религиозные ритуалы непосредственно на палубе судна. Наблюдатель отмечает бытовую изобретательность информантов, успешно примиряющих религиозные предписания с прагматикой дорожного быта. Текст подробно описывает, как татары обходят ритуальный запрет на ношение обуви с каблуками, надевая поверх мягких сапог уличные калоши. Одновременно автор отмечает пространственную изоляцию женщин, остающихся невидимыми в дальних углах судна. На этапе речного маршрута Соммье формулирует важный для имагологии тезис: ислам казанских татар предстает монолитной, устойчивой и цивилизованной культурной системой, занимающей высокую ступень в выстраиваемой им зауральской иерархии.

Зауральский маршрут Соммье открывают Тюмень и Тобольск, где исследователь сталкивается с сибирскими татарами-туралинцами. Описывая религиозный синкретизм крещеных татар, автор сочетает полевые наблюдения с исторической компиляцией. В тюменской главе он обращается к трудам И.Г. Гмелина, напоминая о насильственных

[1] Здесь и далее перевод наш.

методах христианской миссии XVIII века, когда коренных жителей загоняли в реку для массового крещения. Этот исторический экскурс служит для Соммье объяснением культурной «грубости» сибирских татар, чья поверхностная религиозность уступает в его оценках устойчивому и развитому исламу казанской группы.

В Тобольске зависимость исследователя от административных ресурсов империи приобретает директивный характер. Описывая визит к потомкам подданных хана Кучума, Соммье признает, что проник в закрытую женскую половину дома богатого татарина исключительно под прикрытием сопровождавшего его исправника. Просьба чиновника продемонстрировать иностранцу устройство жилища фактически дублировала приказ. Автор прямо констатирует: «исправнику в России благоразумнее не отказывать в одолжении» (ad un ispràvnik in Russia non è buon consiglio ricusare un favore) [6]. Властное давление государства размывает границы частного пространства, обеспечивая европейскому ученому доступ к гарему и личным вещам мусульманок. Сама возможность научного наблюдения здесь детерминирована имперским принуждением, вызывающим скрытый протест принимающей стороны. Этот психологический надлом зафиксирован в финале сцены: малолетняя татарская девочка с яростью швыряет на пол церемониальную шапочку сразу после того, как ее вернул Соммье, воспринимая прикосновение чужака, вошедшего в дом с полицией, как осквернение.

На Оби исследовательские практики Соммье приобретают характер масштабной антропометрической кампании. В сценах полевой фиксации научный интерес европейского ученого наталкивается на гендерные и религиозные барьеры, в частности – на сопротивление остяцких женщин. Местный обычай предписывает им полностью закрывать лицо от мужчин большим платком – oksciam (оксчам). Наблюдатель фиксирует эту практику, отмечая, что информантки держат ткань зубами, оставляя открытым едва один глаз («tenendoli tra i denti in modo da lasciar vedere appena un occhio»). Во время антропометрических процедур возникает защитная реакция: помощница исследователя вынуждена удерживать платок, растянув его наподобие завесы («stesa a guisa di tenda»), чтобы изолировать женщину от присутствующих мужчин.

В этой конфликтной точке позитивистский метод начинает опираться на символический авторитет верховной власти. Соммье открыто признает, что в случаях неповиновения туземцев он сочетал материальное поощрение с прямым административным давлением. Сбор научных данных легитимизировался в сознании коренного населения через репрезентацию исследователя как государственного агента:

«*Così, nel corso del viaggio, senza perder tempo, potei ottenere le misure e campioni di capelli di 137 Ostiacchi, di 102 Samoiedi e di 50 Siriéni, misurati parte strada facendo in barca, parte nei loro villaggi. … In generale né Ostiacchi né Samoiedi mostrarono ripugnanza a lasciarsi misurare, e nei pochi casi in cui opposero resistenza, ne ebbi ragione con piccoli doni, o all'occorrenza dando loro ad intendere che agivo per ordini superiori, ai quali dovevano obbedire*».[2] [6, 162]

Сакральный страх аборигенов перед имперской государственной машиной превращается в прагматичный инструмент физической антропологии. Формула «высшего приказа» (ordini superiori) выступает в нарративе Соммье главным аргументом, подавляющим волю информанта. Примечательно, что имена конкретных чиновников – губернатора или исправника – в данном контексте опускаются: административный ресурс империи используется автором как универсальная и анонимная принудительная сила.

Радикальной формой присвоения локального этнографического материала в травелоге выступает сбор остеологических коллекций. Практика изъятия черепов для фондов

[2] «Так за поездку, не теряя времени, я снял промеры и образцы волос у 137 остяков, 102 самоедов и 50 зырян – частью в лодке на ходу, частью в селениях. В общем ни остяки, ни самоеды не гнушались измерений; в немногих случаях, когда они оказали сопротивление, я взял над ними верх мелкими подарками или, при случае, давая им понять, что действую по высшим приказам, которым они должны повиноваться».

Флорентийского антропологического музея неизбежно нарушала религиозные табу коренного населения. Травелог детально фиксирует, что главным исполнителем этих процедур становился нанятый Соммье сибирский казак Матфей Григорьевич Клипиков. В нарративной структуре книги Матфей выполняет функцию идеального проводника имперского прагматизма. Соммье репрезентирует его как низового агента государства, готового использовать любые методы принуждения и мистификации ради выполнения научной задачи иностранного гостя:

«*Dietro la raccomandazione dell'isprávnik, presi a mio servizio, mediante 20 rubli al mese, un Cosacco che aveva abitato per molto tempo in mezzo ai Samoiedi ed agli Ostiacchi. … Il viaggiare con un Cosacco doveva avere per effetto di incutere più rispetto negli indigeni, poiché i Cosacchi sanno sempre farsi ubbidire. Mi accorsi ben presto che il mio Matfei Grigorevits … oltre al vedergli adoprare liberamente i pugni, … mi spacciava per un generale, un principe o un parente dell'Imperatore. … Del resto avevo messo come condizione espressa del nostro contratto che mi facesse avere il maggior numero di cerepa (crani) di Ostiacchi e di Samoiedi. … [Matfei] aveva preso con sé un Ostiacco cieco, vantandolo come il più adattato a quel genere di lavoro, poiché avrebbe disseppellito i suoi fratelli senza sapere cosa facesse*»[3] [6, 212].

Эпизод со сфабрикованным родством Соммье с императором обнажает психологические механизмы колониального управления. Казак Матвей сознательно эксплуатирует сакральный страх аборигенов перед верховной властью, понуждая их к подчинению европейскому антропологу. Равнодушие имперского агента к религиозным чувствам коренного населения позволяет Соммье сохранять позицию «чистого ученого», пока скрытую, сакрально табуированную работу по эксгумации выполняют представители низовой администрации. Позитивистский триумф флорентийской науки обеспечивался прямым обманом и сознательным попранием правовых и религиозных норм силами сибирского казачества.

Помимо казачества, аналогичный властный ресурс Соммье извлекал из взаимодействия с туземной элитой. На нижней Оби он останавливается у Симеона Захаровича Артанзиева, князя Куноватского – одного из двух остяцких князей (kniàs), сохранявших свой статус в административной системе Российской империи. После демонстративного угощения водкой князь обязывает гребцов исполнять любые требования иностранца, угрожая ослушникам палочными ударами, и отдает «формальные приказания» содействовать эксгумации на старых остяцких кладбищах. Сам автор цинично замечает, что эта услуга «отчасти объясняет мою щедрость водкой князю» [6, 237]. Родовая аристократия в данном контексте интегрируется в логистику европейской науки, выступая низовым проводником краниометрических исследований [15, 162].

Описываемая Соммье структура межэтнических отношений на Оби выходит за рамки жесткой вертикали «чиновник – инородец». Самостоятельным узлом этой системы выступают коми-зыряне (Siriéni). Опираясь на сведения информантов, автор фиксирует присутствие около тысячи оседлых зырян на Оби и не менее трех тысяч человек, приходящих зимой из-за Урала. Итальянский исследователь репрезентирует их как доминирующее торговое звено, связывающее русское население с тундровыми кочевниками:

«*Questo ottengono non con la violenza, ma trafficando con astuzia, e facendo in modo che gli indigeni, meno intelligenti, si indebitino sempre più e debbano finalmente rilasciare i loro averi nelle mani di questi abili usurai. … Sono queste qualità … che hanno valso ai Siriéni il soprannome di ebrei della tundra. … I Siriéni mi dissero essi stessi che si univano con matrimoni legittimi non*

[3] «По рекомендации исправника я нанял за 20 рублей в месяц казака, долго жившего среди самоедов и остяков. Путешествие с казаком должно было внушать туземцам больше почтения, ибо казаки всегда умеют добиться повиновения. Вскоре я заметил, что мой Матфей Григорьевич не только свободно пускает в ход кулаки, но выдаёт меня за генерала, князя или родича императора. Условием договора я поставил, чтобы он достал мне как можно больше черепов остяков и самоедов. Он взял с собой слепого остяка, расхваливая его как самого годного к такого рода работе: тот будет выкапывать братьев, не зная, что делает.»)

raramente coi Samoiedi e coi Russi; molto di rado però cogli Ostiacchi per i quali mostrano un gran disprezzo, chiamandoli sudici e pagani».[4] [6, 199]

Имагологическая ценность данного пассажа заключается в фиксации того, как европейский наблюдатель солидаризируется с готовой административной и локальной иерархией региона. В оптике Соммье зырянин интеллектуально превосходит остяка и самоеда, русское население занимает доминирующее положение, а межэтнические браки маркируют границы социокультурной «чистоты». Межнациональные отношения внутри этого узла описываются через призму долговой кабалы, взаимного отчуждения и избирательной метисации, что усложняет линейную вертикаль прямого полицейского принуждения. При переходе в степную зону формат полевой работы Соммье существенно меняется. В сюжетах взаимодействия с башкирами и казахами (Kirghisi) исследователь передвигается без постоянного казачьего конвоя, однако имперские административные рамки по-прежнему предопределяют поведение информантов. В эпизоде встречи со степным бием в районе Крутоярской крепости позитивистский опрос натыкается на намеренное искажение данных [6, 514]. Пытаясь зафиксировать точные экономические показатели хозяйства – численность лошадей и овец, Соммье сталкивается с сознательным уклонением собеседника от ответов:

«*Il giudice mi disse che l'aùl contava 156 anime e possedeva circa 700 cavalli, 500 tori e vacche, 200 capre e 1000 pecore. Secondo il padrone della stazione postale, che mi accompagnava da secondo interprete per la lingua kirghisa, il numero doveva essere assai più grande; ma, per timore delle imposte, un Kirghiso si fa sempre passare per più povero di quello che non sia*»[5] [6, 515]

Описанный эпизод обнаруживает пределы автономии европейского наблюдателя. Вопреки отсутствию исправника в момент разговора, Соммье воспринимается степными этносами в качестве репрезентанта власти, а не независимого ученого. В сознании информантов антропологический и статистический интерес иностранца неразрывно связывается с фискальными функциями государственного ревизора. Образ казаха в этой сцене конструируется через призму вынужденной скрытности и оборонительного недоверия. Научный диалог трансформируется в латентное противостояние, где местное население использует стратегию уклонения от имперского учета.

Зафиксированный в казахских сценах «страх подати» специфичен и не распространяется на весь степной и уральский маршрут. На башкирском тракте в октябре Соммье сталкивается с иной моделью поведения: ночной свист ямщика и появление неизвестного у тарантаса интерпретируются им как прямая угроза засады. После этого инцидента автор признает, что «все башкиры стали мне подозрительны», вследствие чего он передвигается исключительно с заряженным оружием [6, 570]. Данный сюжет остается единственной степной сценой выборки, зафиксировавшей открытый трактовый конфликт. Это исключение усложняет картину восприятия региона, исключая тезис о «бесконфликтной степи».

Предел культурного отчуждения в имагологической оптике Соммье маркируют сцены взаимодействия с ненцами (Samoiedi). Позитивистский взгляд исследователя конструирует образ радикально «Другого», причем эта дистанция задается одновременно административными, пространственными и санитарно-гигиеническими категориями. Образ остяков выстраивался автором преимущественно в рамках административного подчинения. В отличие от них, рецепция ненцев центрирована вокруг дискурса санитарного и визуального отчуждения. При посещении чумов исследователь фиксирует локальный быт

[4] «Этого они достигают не насилием, а хитрой торговлей, так что менее смышлёные туземцы всё глубже влезают в долг и в конце концов отдают имущество в руки этих искусных ростовщиков. Именно эти качества доставили зырянам прозвище «евреев тундры». Сами зыряне говорили мне, что нередко вступают в законный брак с самоедами и русскими, весьма редко – с остяками, к которым питают великое презрение, называя их грязными и язычниками».

[5] «Судья сказал: 156 душ, около 700 лошадей, 500 быков и коров, 200 коз и 1000 овец. Почтовый содержатель, ехавший со мной вторым переводчиком по-киргизски, полагал, что скота гораздо больше: из страха подати киргиз всегда выдаёт себя беднее, чем есть».

через призму соматического и ольфакторного опыта. Восприятие специфических запахов и туземной пищи дистанцировано: Соммье наблюдает за гастрономическими практиками кочевников через репрезентацию поведения нанятого казака, вынужденного питаться «по обычаю края». Потребление сырой рыбы без соли позитивистская оптика автора обобщает как общую черту остяцкого и самоедского быта, маркирующую в его путевом тексте цивилизационную границу:

«*Alla stazione di Kiéghinska, ove arrivammo la mattina del 30 alle 7, vidi le prime cium. … In queste dimore ostiacche il mio Cosacco si sentiva nel suo elemento; si faceva dare dei pesci freschi e li divorava alla moda del paese, cioè crudi, senza sale e senza pane, come fanno gli Ostiacchi e i Samoiedi*[6] [6, 225; 6, 228] <…> *D'allora in poi incontrai quasi in tutte le stazioni più Samoiedi che Ostiacchi. La differenza nel vestiario fra gli uni e gli altri era più marcata nelle donne. … Le Samoiede non conoscono affatto quest'uso. D'estate vanno per lo più a testa nuda.*» [6, 356]

В поселении Кале-пугор путешественник отмечает религиозный синкретизм местного населения: «почти все крещены… но тем не менее совершенно язычники во всех своих обычаях». Женщина, представленная русским смотрителем станции, открыто признает себя одновременно шаманкой и христианкой, «не видя в этом никакого противоречия» [6, 369]. Опираясь на подобные наблюдения, Соммье выстраивает жесткую шкалу градаций «дикости», помещая самоедов на низшую ступень зауральской культурной иерархии. Главными маркерами этого статуса в путевом тексте выступают потребление сырой пищи, открытое женское лицо и сохранение шаманских практик под покровом номинального православия.

Если остяки в нарративе Соммье постепенно вовлекаются в орбиту имперского взаимодействия через торговлю и административный надзор, то ненцы предстают наиболее удаленной и труднопроницаемой группой. В сознании европейского позитивиста их быт воплощает абсолютный контраст понятию цивилизации. Эта культурная дистанция служит для автора внутренним оправданием антропологического принуждения. Процедуры физических измерений и сбор остеологических коллекций (включая изъятие девяти черепов на кладбище Яр-Сале) концептуализируются в травелоге как прагматичное получение научных данных [6, 407]. Подобная оптика выводит живую культуру аборигенов за рамки этической ответственности исследователя, легитимизируя присвоение материала их предполагаемой «дикостью».

Заключение

Проведенный имагологический анализ путевого нарратива Стефано Соммье позволяет переосмыслить механизмы формирования этнографических репрезентаций на окраинах Российской империи в конце XIX века. Исследование доказывает, что итальянская рецепция коренного населения зауральской и степной периферии не являлась механическим переносом абстрактных расовых таксономий или универсального колониального дискурса европейских сверхдержав. Напротив, конструируемые Соммье образы «Другого» представляли собой ситуативный продукт конкретных сцен контакта, чья тональность и степень культурного отчуждения жестко детерминировались прагматикой исследовательских задач.

Ключевым фактором, определившим дифференцированную структуру восприятия местных этносов, послужил характер интеграции позитивистского метода во властную и логистическую инфраструктуру принимающего государства. Степень вовлечения имперской администрации – от тобольской губернаторской канцелярии до сибирского казачества и родовых князей – напрямую задавала оптику европейского наблюдателя, трансформируя научный интерес в продукт государственного принуждения. Заимствуя готовую российскую

[6] «На станции Кегинской, куда мы прибыли утром 30-го в семь часов, я увидел первые чумы. В этих остяцких жилищах мой казак был в своей стихии: брал свежую рыбу и пожирал её по обычаю края, то есть сырою, без соли и без хлеба, как делают остяки и самоеды. <…> С тех пор почти на всех станциях самоедов было больше, чем остяков. Разница в одежде резче у женщин. Самоедки вовсе не знают этого обычая [прятать лицо] и летом чаще ходят простоволосыми».

номенклатуру и опираясь на символический авторитет власти, Соммье создал сложный имагологический нарратив, в котором конструирование образов зауральских народов выступало не просто этнографическим каталогизированием, а инструментом интеллектуального освоения и символического присвоения евразийского пространства европейской наукой.

Информация о финансировании: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20397, https://rscf.ru/project/25-28-20397/.

Литература

1. Leerssen J. Imagology: History and method // Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters / ed. by M. Beller, J. Leerssen. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. – P. 17-32.
2. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.
3. Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.
5. Andres S. Stéphen Sommier e la conoscenza della Siberia nell'Italia umbertina // Settentrione. – 2019. – No. 31. – P. 35-58.
6. Sommier S. Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirghísi e Baskíri. – Firenze: Ermanno Loescher, 1885. – 634 p.
7. Pampanini R. Stefano Sommier // Nuovo Giornale Botanico Italiano. Nuova serie. – 1922. – Vol. 29. – P. 5-28.
8. Mantegazza P., Sommier S. Studii antropologici sui Lapponi. – Firenze: Tipografia dell'Arte della Stampa, 1880. – 50 p.
9. Mantegazza P. Un viaggio in Lapponia coll'amico Stephen Sommier. – Milano: Gaetano Brigola, 1881. – 328 p.
10. Головачев П. Путешествие итальянца Соммье по Сибири // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». – СПб., 1886. – Кн. 1. – С. 169-195.
11. Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с итал. А. А. Переваловой; под ред. Я. А. Яковлева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – 640 с.
12. Перевалова А. А., Перевалова Е. В. Стефано Соммье: путешествия итальянского натуралиста по Сибири и Уралу // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 154-165.
13. Соловьев А. А. Стефано Соммье – исследователь народов России // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 31-36.
14. Гено Д. Коми в исследованиях Стефана Соммиэ (1848-1922) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. – М., 1989. – Т. 1. – С. 205-207.
15. Перевалова Е. В. Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33). – С. 162-172.
16. Viciani D., Dell'Olmo L., Bernardini A., Donatelli A., Nepi C., Roselli M. G., Lastrucci L. A summer in Siberia: the travel and the collection itinerary to the mouth of the Ob River by the botanist and ethno-anthropologist Stéphen Sommier in 1880 // Journal of Maps. – 2025. – Vol. 21, No. 1. – Art. 2532562. – DOI: 10.1080/17445647.2025.2532562.

References

1. Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters / ed. by M. Beller, J. Leerssen. – Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. – P. 17-32.
2. Slezkin Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North] / translated from English by O. Leontieva. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 512 p. (in Russian)
3. Dzherasi R. Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation, and Religion in Russia] / translated from English by V. Goncharov. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 548 p. (in Russian)
4. Yadrintsev N.M. Sibir kak koloniya: k yubileyu trekhsotletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee [Siberia as a Colony: On the Tercentenary: Siberia's Current Situation, Its Needs and Requirements, Its Past and Future]. – St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1882. – 471 p. (in Russian)
5. Andres S. Stéphen Sommier e la conoscenza della Siberia nell'Italia umbertina [Stéphen Sommier and the Knowledge of Siberia in Umbertine Italy] // Settentrione. – 2019. – No. 31. – P. 35-58. (in Italian)
6. Sommier S. Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirghísi e Baskíri [A Summer in Siberia among the Ostyaks, Samoyeds, Zyryans, Tatars, Kirghiz, and Bashkirs]. – Firenze: Ermanno Loescher, 1885. – 634 p. (in Italian)
7. Pampanini R. Stefano Sommier // Nuovo Giornale Botanico Italiano. Nuova serie [New Italian Botanical Journal. New Series]. – 1922. – Vol. 29. – P. 5-28. (in Italian)
8. Mantegazza P., Sommier S. Studii antropologici sui Lapponi [Anthropological Studies on the Sámi]. – Firenze: Tipografia dell'Arte della Stampa, 1880. – 50 p. (in Italian)
9. Mantegazza P. Un viaggio in Lapponia coll'amico Stephen Sommier [A Journey to Lapland with My Friend Stephen Sommier]. – Milano: Gaetano Brigola, 1881. – 328 p. (in Italian)
10. Golovachev P.P. Puteshestvie italyantsa Somme po Sibiri [The Italian Sommier's Journey through Siberia] // Sibirskii sbornik: prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu» [Siberian Collection: Supplement to the Eastern Review]. – St. Petersburg, 1886. – Book 1. – P. 169-195. (in Russian)
11. Somme S. Leto v Sibiri sredi ostyakov, samoedov, zyryan, tatar, kirgizov i bashkir [A Summer in Siberia among the Ostyaks, Samoyeds, Zyryans, Tatars, Kirghiz, and Bashkirs] / translated from Italian by A.A. Perevalova; ed. by Ya.A. Yakovlev. – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2012. – 640 p. (in Russian)
12. Perevalova A.A., Perevalova E.V. Stefano Somme: puteshestviya italyanskogo naturalista po Sibiri i Uralu [Stefano Sommier: The Italian Naturalist's Travels through Siberia and the Urals] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2017. – No. 2. – P. 154–165. (in Russian)
13. Solovev A.A. Stefano Somme – issledovatel narodov Rossii [Stefano Sommier as a Researcher of the Peoples of Russia] // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki» [Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»]. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – P. 31-36. (in Russian)
14. Geno D. Komi v issledovaniyakh Stefana Sommie (1848–1922) [The Komi in the Studies of Stephen Sommier (1848-1922)] // Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov [Proceedings of the 6th International Congress of Finno-Ugric Studies]. – Moscow, 1989. – Vol. 1. – P. 205-207. (in Russian)
15. Perevalova E.V. Tuzemnaya elita Berezovskogo kraya v risunkakh i fotografiyakh [The Indigenous Elite of the Berezovo Region in Drawings and Photographs] // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. – 2016. – No. 2 (33). – P. 162-172. (in Russian)
16. Viciani D., Dell'Olmo L., Bernardini A., Donatelli A., Nepi C., Roselli M.G., Lastrucci L. A Summer in Siberia: The Travel and the Collection Itinerary to the Mouth of the Ob River by the

Botanist and Ethno-Anthropologist Stéphen Sommier in 1880 // Journal of Maps. – 2025. – Vol. 21, No. 1. – Art. 2532562. – DOI: 10.1080/17445647.2025.2532562.

С.П. Алексеева[1], Д.Н. Дюсекенев[2*]
[1]Горно-Алтай мемлекеттік университеті,
649000, Ресей Федерациясы, Алтай Республикасы, Горно-Алтайск қ., Ленкина к-сі, 1
[2]Әлихан Бөкейхан университеті
071410, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Мәңгілік Ел к-сі, 11
*ORCID: 0009-0000-4821-3636
*e-mail: dyusekenev81@mail.ru

С. СОММЬЕНІҢ «UN'ESTATE IN SIBERIA» (1885) ЖОЛЖАЗБАСЫНДАҒЫ ОРАЛ СЫРТЫ МЕН ДАЛАЛЫҚ ШЕТКЕРІ АЙМАҚТАРДЫҢ БАЙЫРҒЫ ЭТНОСТАРЫ

Аңдатпа. Мақалада Стефано Соммьенің «Un'estate in Siberia...» (1885) жолжазбасының Флоренцияда жарық көрген түпнұсқалық басылымы негізінде Ресей империясының Сібір, Орал және дала шеткері аймақтарындағы байырғы халықтарды итальяндық қабылдау ерекшеліктері зерттеледі. Зерттеудің эмпирикалық негізін 85 байланыс көрінісін жүйелеу құрайды, бұл Соммьенің аймақтағы әртүрлі этникалық топтарды: ханттарды, ненецтерді, коми-зыряндарды, татарларды, қазақтарды және башқұрттарды қабылдауының сараланған құрылымын қайта жаңғыртуға болады. Жолжазбадағы этнографиялық бейнелер далалық зерттеудің прагматикалық жағдайлары, ғылыми міндеттердің сипаты және деректерді жинау үдерісіне империялық әкімшіліктің қатысу дәрежесі ықпалымен қалыптасқаны көрсетіледі. Имагологиялық талдау авторлық оптикадағы мәдени алшақтаудың градациясын анықтайды: антропометриялық өлшеулер кезіндегі ханттарға деген инструменталды қатынастан және ненецтерден санитарлық-визуалдық дистанцияланудан бастап, қазақтардың фискалдық жасырынуына және қазан татарларының мәдени жүйесінің тұрақтылығын мойындауға дейін. Саяхатшының зерттеу қызметін қамтамасыз етудегі шенеуніктердің, казактардың және жергілікті элита өкілдерінің рөліне ерекше назар аударылады. Соммье құрастырған «Өзге» бейнелері стереотиптік нәсілдік классификацияларды механикалық түрде жаңғыртудың нәтижесі емес, нақты байланыс көріністері мен сапардың институционалдық контексінің жағдаяттық өнімі болғаны туралы қорытынды жасалады.

Тірек сөздер: Стефано Соммье, жолжазба, имагология, отаршылдық, империялық инфрақұрылым, позитивизм, умбертиндік Италия.

S.P. Alekseeva[1], D.N. Dyusekenev[2*]
[1]Gorno-Altaisk State University,
649000, Russian Federation, Altai Republic, Gorno-Altaisk, 1 Lenkina, str.
[2]Alikhan Bokeikhan University
071410, Republic of Kazakhstan, Semey, 11 Mangilik El, str.
*ORCID: 0009-0000-4821-3636
*e-mail: dyusekenev81@mail.ru

INDIGENOUS ETHNIC PEOPLES OF THE TRANS-URAL AND STEPPE PERIPHERY IN THE TRAVELOGUE OF S. SOMMIER «UN'ESTATE IN SIBERIA» (1885)

Abstract. Drawing on the original Florentine edition of Stefano Sommier's travelogue *Un'estate in Siberia...* (1885), this article examines the Italian reception of the indigenous populations of the Siberian, Ural, and steppe peripheries of the Russian Empire. The empirical basis of the study consists of a systematic analysis of 85 contact scenes, which makes it possible to reconstruct the differentiated structure of Sommier's perception of various ethnic groups in the region, including the Khanty, Nenets, Komi-Zyrians, Tatars, Kazakhs, and Bashkirs. The study demonstrates that the ethnographic images represented in the travelogue were shaped by the pragmatic conditions of fieldwork, the nature of the research objectives, and the degree of imperial administrative involvement in the process of data collection. Imagological analysis reveals a gradation of cultural alienation in the author's perspective, ranging from an instrumental attitude toward the Khanty during anthropometric measurements and sanitary-visual distancing from the Nenets to the fiscal evasiveness of the Kazakhs and recognition of the resilience of the Kazan Tatars' cultural system. Particular attention is paid to the role of officials, Cossacks, and representatives of local elites in facilitating the traveller's research activities. The article concludes that Sommier's constructions of the «Other» were situational

products of specific contact scenes and the institutional context of the journey rather than the result of a mechanical reproduction of stereotypical racial classifications.

Keywords: Stefano Sommier, travelogue, imagology, colonialism, imperial infrastructure, positivism, Umbertine Italy.

Авторлар туралы мәліметтер

Алексеева Сарбиназ Павловна – кіші ғылыми қызметкер, Горно-Алтай мемлекеттік университеті, Ресей Федерациясы, Алтай Республикасы, Горно-Алтайск, e-mail: sarbinaz.eisengrain@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-6296-8895.

Дюсекенев Дамир Нурулланович* – PhD, Әлихан Бөкейхан университеті, Қазақстан Республикасы, Семей, e-mail: dyusekenev81@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4821-3636.

Сведения об авторах

Алексеева Сарбиназ Павловна – младший научный сотрудник, Горно-Алтайский государственный университет, Российская Федерация, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, e-mail: sarbinaz.eisengrain@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-6296-8895.

Дюсекенев Дамир Нурулланович* – PhD, Alikhan Bokeikhan University, Республика Казахстан, г.Семей, e-mail: dyusekenev81@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4821-3636.

Information about the authors

Sarbinaz Alekseeva – Junior Research Fellow, Gorno-Altaisk State University (1 Lenkina St., Gorno-Altaisk, Altai Republic, 649000, Russian Federation). Tel.: +7 (38822) 2-64-39. E-mail: sarbinaz.eisengrain@gmail.com, ORCID: https://orcid.org/0009-0006-6296-8895.

Damir Dyussekenev* – PhD, Alikhan Bokeikhan University, Republic of Kazakhstan, Semey, e-mail: dyusekenev81@mail.ru,ORCID: https://orcid.org/0009-0000-4821-3636.

Поступила в редакцию 25.07.2026
Принята к публикации 29.09.2026

https://doi.org/10.53360/3080-3861-2026-3(7)-12
ҒТАМР: 17.01.09

Б.А. Ердембеков[1], А.Т. Смагулова[2*], О. Сөйлемез[3]
[1,2]Шәкәрім университеті,
071412, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Глинка к-сі, 20 А
[3]Kastamonu University,
37150, Түркия, Кастамону қ., генерал Атилла Атыш Паша даңғылы, 19
[*]ORCID: 0000-0002-7509-7025
[*]e-mail: akma.2000.2006@mail.ru

АБАЙДЫҢ АҚЫНДЫҚ МЕКТЕБІ ЖӘНЕ ЕҢЛІК-КЕБЕК СЮЖЕТІНІҢ КӨРКЕМДІК ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Аңдатпа. Мақалада қазақ әдебиетіндегі Еңлік пен Кебек тақырыбының қалыптасуы мен көркемдік даму тарихы Абай және оның ақындық мектебі аясында қарастырылады. Зерттеудің негізгі нысаны – Еңлік-Кебек оқиғасына байланысты XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында жазылған прозалық және поэзиялық шығармалардың өзара сабақтастығы, олардың сюжеттік, идеялық және көркемдік ерекшеліктері. Атап айтқанда, 1892 жылы «Дала уалаятының газетінде» «Ұмтылған» («Мұтылған») бүркеншік атымен жарияланған «Қазақтардың естерінен кетпей жүрген бір сөз» әңгімесі, 1900 жылы жарық көрген «Қазақ турасынан хикая», Мағауия Абайұлының «Еңлік-Кебек» поэмасы, Шәкәрім Құдайбердіұлының «Жолсыз жаза яки кез болған іс» және «Қалқаман-Мамыр» дастандары, М.Әуезовтің осы тақырыпқа арналған драмалық шығармасы